

ИСТОКИ ОТЧУЖДЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

А. А. Костюк

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2016 г.

Аннотация: *статья посвящена вопросу взаимосвязи категорий отчуждения и творчества. В рамках философской системы Н. А. Бердяева проанализирована проблема отчуждения творчества как способа бытия человека. На основе сопоставления отечественной и западной философской традиции была установлена связь между отчуждением творчества и объективацией.*

Ключевые слова: *отчуждение, творчество, объективация, трансцендирование, свобода, диалог, отчуждение творчества.*

Abstract: *this article is devoted to the problem of correlation between concept of alienation and creativity. The problem of alienation of creativity as a way of human's existence was analyzed within the context of Berdyaev's philosophical system. The correlation between alienation of creativity and objectification was identified on the base of comparison between Russian and European philosophical traditions.*

Key words: *alienation, creativity, objectification, transcending, freedom, dialogue, alienation of creativity.*

В настоящее время термин «отчуждение» применим в отношении различных плоскостей человеческого бытия. Он включает самоотчуждение как кризис самоидентификации в психологической трактовке или самоотчуждение как бытие одинокого, изолированного субъекта в экзистенциализме. Наряду с этим мы можем говорить об отчуждении как утрате социальных связей между членами общества, атомизации и масовизации, которые, по сути, являются различными проявлениями одного феномена – феномена социального отчуждения.

Помимо этого, отчуждение проявляется в различных сферах общественной жизни: экономической, политической, социальной и духовной, – что, в свою очередь, приводит к размыванию границ данного понятия, которого уже не разглядеть за чередой определений, характеристик и классификаций. В связи с этим кажется обоснованной наша попытка говорить не об абстрактном отчуждении, загоняя его в круговорот бесчисленных дефиниций, а, руководствуясь принципом «не умножать сущности сверх необходимого», рассуждать об отчуждении в самом прямом и непосредственном смысле – в смысле превращения чего-то «своего» в «чуждое». Вопрос о том, почему этим «чем-то» должно стать творчество, требует дополнительных разъяснений.

Как было замечено еще философами-франкфуртцами, в современном мире отчуждение воздействует на человека в различных измерениях его

бытия: это и экономическая сфера, в которой продукты труда становятся чуждой человеку силой, и сфера социально-политического взаимодействия, в отношении которой Г. Маркузе говорит о возникновении так называемого «одномерного человека», т. е. человека, поработанного давлением над ним социальной реальностью: «Понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения. И это отождествление – не иллюзия, а действительность, которая, однако, ведет к новым ступеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия. Теперь существует одно измерение – повсюду и во всех формах» [1, с. 21]. В своих рассуждениях Маркузе делает вывод, что избавиться от отчуждения невозможно, поскольку «ни технологический прогресс, ни завоевание природы, ни рационализация человека и природы не смогли и не смогут устранить необходимость отчужденного труда, необходимость механической, лишенной удовольствия работы, не обещающей индивиду никакой самореализации» [там же, с. 59]. Отчуждение представляет собой такую силу, о которой мы привыкли говорить в негативном ключе. К чему же приводит нас подобным образом интерпретируемое отчуждение? Прежде всего мы выделяем отчужденного человека как автономного, атомизированного и одинокого, а также отчужденные силы/продукты/отношения, которые властвуют над ним.

Что может лежать в основе такого деления на отчуждаемое (объект, нечто, ставшее чуждым человеку) и отчуждающее (субъект отчуждения)? Как справедливо отметил К. Маркс, одним из результатов отчуждения становится превращение продукта человеческого труда в чуждую ему силу, воздействующую на него как на объект. Соединить в себе, условно говоря, творца и творение, субъект и объект, человека и продукт его деятельности, может только творчество. Процесс отчуждения, таким образом, тесно связан с творчеством как особым видом деятельности и способностью человека. Отчуждение, возникая в процессе творчества, разрывает связь между человеком как творцом и результатом его творческой деятельности. Однако это лишь первый и не самый масштабный результат взаимосвязи творчества и отчуждения. Следующей ступенью отчуждения становится утрата человеком самой способности к творческой деятельности, на чем следует остановиться подробнее. Отчуждение творчества представляет собой процесс изменения способа бытия человека в мире, при котором происходит вытеснение творческого содержания из деятельности, вплоть до замещения творческого процесса механической, репродуктивной деятельностью. Данная проблема является актуальной в контексте исследования феномена отчуждения. Несмотря на это, она не была изучена в должной мере до настоящего времени. Истоки отчуждения творчества мы находим и в западной, и в отечественной философии, прежде всего в философии Н. А. Бердяева – одного из виднейших представителей русского экзистенциализма и персонализма.

Для того чтобы понять, каким образом мы приходим к утверждению об отчуждении самого творчества, необходимо пояснить, что в философии понимается под термином «творчество». В новейшем философском словаре творчество определяется как «конструктивная деятельность по созданию нового <...> Для современной философии характерна параллельная трактовка творчества, – с одной стороны, как сугубо интеллектуального феномена (Н. Гартман, Э. Гуссерль, А. Н. Уайтхед и др.), с другой – как экзистенциального феномена, лежащего в основе свободы личности (экзистенциализм)» [2]. Следовательно, творчество, прежде всего, – это продуктивная деятельность, в отличие от репродуктивной, воспроизводящей что-либо по заданному образцу. Однако на этом определение данного понятия не завершается, поскольку, если мы говорим о процессе возникновения нового, закономерен вопрос: каким образом это новое возникает? Ответ дает Н. А. Бердяев, определяя творчество следующим образом: «Творчество есть величайшая тайна жизни, тайна явления нового, небывшего, ни из чего не выводимого, ни из чего не вытекающего, ни из чего не рождающегося. Творчество предполагает ничто, *μη ου* (а не *ου ου*). И этот меон есть тайна изначальной, первичной, домирной, добытийственной свободы в человеке. Тайна творчества и есть тайна свободы» [3, с. 156]. Эта мысль созвучна платоновскому определению творчества как перехода от небытия к бытию, который у Бердяева наполняется новым содержанием в виде меонической свободы – истока всякого творчества. Помимо этого, Бердяев задает структуру творчества: «Творчество человека предполагает три элемента — элемент свободы, благодаря которой только и возможно творчество нового и небывшего, элемент дара и связанного с ним назначения и элемент сотворенного уже мира, в котором и совершается творческий акт и в котором он берет себе материал» [3, с. 156]. Таким образом, свобода выступает тем элементом, благодаря которому творческий акт, с одной стороны, наполняется нематериальным содержанием, поскольку материя является лишь субстратом, вспомогательным элементом творческого процесса, а с другой стороны, становится сопричастен вечному, что позволяет говорить о творчестве как о некоем первоначале – основе человеческого бытия.

Идея творческой деятельности как субстанциальной основы человеческого существования встречается и в западной, и в отечественной философской традиции. Установка на творческую активность человека со всей очевидностью предполагает также установку на персонализм в философии, яркий пример которого – философская система Н. А. Бердяева. Сам он характеризовал свою философию как антииерархический персонализм: «Качественно различные, неравные личности не только в глубинном смысле равны перед Богом, но равны перед обществом, которому не принадлежит права различать личности на основании привилегий, т. е. на основании различия социального положения. Смысл социального уравнивания в направлении бесклассовой структуры общества как раз и должен заключаться в выявлении личного неравенства людей, каче-

ственного различения, не по положению, а по существу. Так прихожу я к антииерархическому персонализму» [3, с. 11]. Персонализм Бердяева проявляется, с одной стороны, в отрицании общественных структур, иерархий, которые объективируют личность, превращая общество в пространство отчуждения, с другой – в провозглашении творчества основой истинного существования человека.

Реализация человека как личности есть реализация свободы, проявляющаяся в творческом процессе: «Скованность и порабощенность мировой иерархии существ подчиняет человека низшим, омертвевшим ступеням бытия, принуждает человека своим материальным отяжелением. Эта скованность, это отяжеление низших иерархий закрывает от нас творческую тайну бытия. Мир представляется нам в аспекте необходимости <...> в царстве необходимости возможна лишь эволюция, т. е. перераспределение данной энергии» [4, с. 378]. Творит лишь свободная, активная личность, пассивности не откроется творческая тайна бытия – к таким выводам приходит Бердяев, связывая понятие эволюции с необходимостью, творчество же – со свободой. Царство необходимости, о котором пишет Бердяев, есть не что иное, как мир объектов, застывших форм, среди которых нет место человеку как личности.

Таким образом, перед нами два пути, или две стратегии, действия: «Творчество и объективация – разнокачественные состояния сознания человека, формирующие совсем разноплановые, не сводимые друг к другу реальности. Объективация есть пассивность, несамостоятельность и зависимость от внешнего источника энергии, бедность, когда с другим нечем делиться, кроме как навязывать свои модели осознания и поведения. Творчество же есть активность, энергетическая достаточность, ничего не требующая от других, есть одаривание собой» [3, с. 7]. Творческая деятельность, как мы уже говорили, содержит в себе свободу, которая выводит человека за пределы собственной субъективности. Однако преодолеть субъективность можно разными способами: это уже упомянутый путь объективации, на котором происходит выбрасывание человека в объектный мир, либо трансцендирование, которое «есть переход к *трансубъективному*, а не к объективному. Этот путь лежит в глубине существования, на этом пути происходят экзистенциальные встречи с Богом, с другим человеком, с внутренним существованием мира, это путь не объективных сообщений, а экзистенциальных общений. Личность вполне реализует себя только на этом пути» [там же, с. 24].

В этом персонализм созвучен философии диалога, в которой процесс трансцендирования выражен в заботе о Другом, в особом отношении, возникающем между Я и Ты. М. Бубер выделяет два базисных типа отношения человека к бытию: «Я – Ты» и «Я – Оно». Человек определяет свое отношение к Другому (миру, другим людям) посредством двух главных слов: «Ты» и «Оно». Поскольку человек способен двояко соотносить себя с миром, мир для него раскрывается в своей двойственности. Мир как «Оно» есть мир вещей и воспринимаемых человеком процессов. Такой

мир характеризуется постоянством и надежностью, поскольку процессы, происходящие в нем закономерны. Однако, выбирая такое отношение к миру, человек сам становится вещью среди вещей. В подобной ситуации нет возможности не только преодолеть отчуждение, но и каким-то образом определить его, поскольку в отношении «Я – Оно» мы можем лишь констатировать факт наличия в мире скопления предметов, которые служат нашим целям и интересам. Если вернуться к пониманию отчуждения в широком смысле, как превращения своего в чужое, то оно властвует в таком мире безраздельно, поскольку все, окружающее человека, превращается в вещь, и сам человек становится вещью. «Оно» всегда подразумевает нечто, содержит в себе предметность, в то время как «Ты» безгранично: «Тот, кто говорит Ты, не обладает никаким Нечто как объектом. Ибо там, где есть Нечто, есть и другое Нечто; каждое Оно граничит с другими Оно; Оно существует лишь в силу того, что граничит с другими. Но когда говорится Ты, нет никакого Нечто. Ты безгранично» [5]. Таким образом, отношение «Я – Ты» является истинным отношением, поскольку исключает всякое опредмечивание.

Состояние взаимодействия с другими является основополагающим фактом человеческой экзистенции. В персонализме Бердяева мы находим ту же идею – общество предстает объективацией, в которой нет личности, есть лишь набор объектов. Подлинная реализация человека как личности происходит в общении с другими личностями, которые не есть объекты, но всегда – «Ты». Таким образом, отчуждение творчества как особого «состояния сознания», противоположного объективации, есть отчуждение от человека его способа бытия, подпадание под власть объектов – превращение в объект (то, что Бубер называет отношением «Я – Оно»). Существует определенная связь между творчеством как способом бытия человека и системой социального взаимодействия, в которую он включен. Как творческая способность, будучи отчужденной, оставляет человека в мире объективации, так и утрата истинного отношения к Другому превращает человека в объект среди других объектов. Отчуждение творчества, таким образом, мы можем предварительно определить как утрату человеком способности к продуктивной деятельности, с одной стороны, и замещение творческого содержания деятельности объективированным, репродуктивным содержанием, с другой.

Наряду с этим, персонализм в философии Н. А. Бердяева интересен утверждением непрерывного творчества критерием подлинного (если говорить в терминах экзистенциализма) существования человека. Бердяев отмечал, что определенное влияние на него оказали некоторые идеи Ф. В. Ницше, которые в данном контексте имеют для нас особое значение. Философия Ницше – явление неоднозначное, однако в плане исследования феномена творчества его вклад очевиден. Для Ницше творчество было, по сути, фундаментальным принципом бытия – той движущей силой, благодаря которой человек способен преодолеть себя, поскольку человек есть нечто, что должно превзойти. Истоком

творчества является дионисийское начало – стихийное, иррациональное и экстатическое. Противоположное ему – аполлоновское – начало гармоничное и рациональное. Аполлоновское и дионисийское у Ницше – диалектически взаимосвязанные начала бытия, наивысший синтез которых проявляется в аттической трагедии. Однако развитие рациональной мысли приводит к угасанию дионисийского и к торжеству аполлоновского начала в культуре, что, по Ницше, является очевидным признаком упадка и декаданса.

Тема творчества объединяет основные понятия философии Ницше: сверхчеловек, вечное возвращение, воля к власти – все они, по сути, служат для выражения мысли о преодолении рационализированной и застывшей данности, о возвращении к жизни творческого, дионисийского начала, не зря ведь Ницше писал о себе как о «певце Диониса». С. Л. Франк в своем исследовании творчества Ницше, которое он называет «этикой любви к дальнему», справедливо отмечает: «Творческая борьба, творчество в форме борьбы – такова деятельность, такова жизнь человека, возлюбившего «дальнее». Вдохновенные проповеди Заратустры черта за чертой вырисовывают нам духовный облик его героя-творца «дальнего», борца за «дальнее». В этом отношении моральное учение Заратустры есть нравственный кодекс жизни этого героя, впервые написанное евангелие для людей творчества и борьбы» [6].

Таким образом, идея о творчестве как основе человеческого бытия свойственна как отечественной, так и западной философской мысли. Проблема отчуждения в данном контексте так же наполняется особым содержанием, что позволяет нам рассуждать об отчуждении творчества как о наиболее значимом и губительном для человека проявлении отчуждения. Персоналистическая философия Н. А. Бердяева открывает путь к пониманию отчуждения не только как отчуждения продуктов творчества, но, прежде всего, – отчуждения самого творчества как особого способа бытия человека. Отчуждение творчества есть отчуждение деятельной, продуктивной способности человека, ведущее за собой застывание личности в бесконечной веренице репродуктивной иллюзорности существования. Только в возвращении творчеству статуса главного бытийного принципа заключен выход из состояния отчуждения: «Творчество, творческое отношение ко всей жизни есть не право человека, а долг и обязанность человека. Творческое напряжение есть нравственный императив, и притом во всех сферах жизни» [3, с. 160].

Литература

1. *Маркузе Г.* Одномерный человек : исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.
2. Новейший философский словарь. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1202/
3. *Бердяев Н. А.* Творчество и объективация / Н. А. Бердяев ; сост. А. Г. Шиманского, Ю. О. Шиманской. – Минск : Экономпресс, 2000. – 301 с.

4. Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества* / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
5. Бубер М. Я и Ты / М. Бубер. – Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt>
6. Франк С. Л. Фридрих Ницше и этика любви к дальнему / С. Л. Франк. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/frank/etika.html>

Воронежский государственный университет

Костюк А. А., аспирант кафедры истории философии

E-mail: alice_costiuc@mail.ru

Тел.: 8-951-877-56-45

Voronezh State University

Kostiuk A. A., Post-graduate Student of the History of Philosophy Department

E-mail: alice_costiuc@mail.ru

Tel.: 8-951-877-56-45